

Наро-Фоминск уже некоторое время охвачен волнениями по поводу строительства мусоросжигательного завода в Могутово. Общественность разделилась: одни радовались закрытию мусорного полигона в Каурцево, вторые – призывали участвовать в митингах против строительства завода. Также в социальных сетях распространили ложную информацию по поводу темы проводимых публичных слушаний: к зданию было невозможно пройти в этот день!

Позиция жителей понятна: термическое обезвреживание отходов – сжигание их – может навредить здоровью людей, со званием экологически чистого района можно будет распрощаться.

В Наро-Фоминск приехала член экспертного совета министерства экологии и природопользования Московской области Мария Комкова и рассказала о принципах отдельного сбора мусора и ввела в курс дела по работе мусоросжигательного завода.

В странах с маленькой территорией мусор не подлежит захоронению – мусоросжигательные заводы у них появились ещё в 50-х годах прошлого столетия. Россия – страна огромная, и мы накапливаем на нашей территории мусор. В некоторых регионах земельный ресурс уже исчерпан. Например, такая действительность в Московской области.

Мы были с делегацией в Швейцарии. Они отметили: эта проблема их коснулась 40 лет назад. Они показывали нам свои фотографии – всё было то же самое, как у нас. Сейчас Швейцария – красивая и чистая страна. Сами швейцарцы говорят, что 40 лет назад всё было иначе. Нам показали полигоны, рассказали, как в своё время из-за сильного загрязнения почвы в стране образовался дефицит чистой воды. И они выяснили, что основной загрязнитель – это полигоны. Потому что они точно также закапывали мусор. Нам может быть полезен опыт Европы: мы можем посмотреть на их технологии и выбрать для себя лучшее. То, что за рубежом нарабатывалось 30-40 лет, мы можем «забрать» в одночасье – получить лучшие технологии и применить их у себя на территории.

К сожалению, нельзя весь объём отходов отправить на переработку. Этому простое объяснение: у любого материала есть определённое количество циклов. Тот же самый пластик нельзя перерабатывать до бесконечности. У бумаги тоже часть свойств после переработки теряется. В какой-то момент даже перерабатываемые отходы заканчиваются, с ними нужно что-то делать. Есть грязные отходы. Самый простой житейский пример: детский подгузник. Во что мы его переработаем? У него много составляющих. Можно, конечно, всех снова призывать к пеленочкам... Не призовёте только! Правда такова, что подгузники есть и мы ими пользуемся, и их нужно куда-то девать. Известны истории и про чайный пакетик, и чай – это биологическая составляющая. Комбинации бывают сложные, которые невозможно разделить. Как их перерабатывать?

Что такое завод по термическому обезвреживанию? Это огромное предприятие, треть которого занимают фильтры. Туда подъезжает транспорт, который в закрытый бункер под землей выгружают мусор. Дальше с этим мусором работает только техника, людей там нет – процесс максимально автоматизирован. Огромный кран перемещает этот мусор, чтобы не было самовозгорания. Он его постоянно перемешивает и бросает в шредеры для измельчения. После этого он поступает на решетку в котел, где горит с постепенным повышением температуры до 1260 градусов. Всемирное общество здравоохранения проводили всевозможные исследования в отношении диоксинов – вредных веществ. В своих научных трудах общество описало, что единственный способ обезвреживания диоксинов – их сжигание на высоких температурах.

Да, доказанный учеными, а не сторонниками мусоросжигательных заводов. Можно открыть официальный сайт общества здравоохранения и посмотреть статьи. Там есть большой материал про диоксины, и они пишут, что 850 градусов – это температура для уничтожения диоксинов, но в больших объемах требуется не менее 1000 градусов. Поэтому наши предприятия достигают ещё более высокой температуры горения. Понятно, что пластик и бумага сгорают при более низкой температуре, но именно опасные вещества, которые выделяются, уничтожаются при более высоких температурах.

Первая степень обезвреживания – это высокая температура. А дальше весь воздух поступает в фильтры. Жители, которые ездили со мной в Швейцарию, говорили: «А воздух может как-нибудь пройти мимо фильтров?» Швейцарцы очень удивлялись, но отвечали, что нет, он идёт потоком. Весь воздух после сгорания поступает в фильтры. Причем фильтры – это не что-то такое на трубе стоящее, как представляют незнающие люди, а огромные помещения, в которые заходит воздух и проходит внутри три стадии очищения. И после этого выходит даже не дым, а пар – это принципиально разные вещи. В жаркую погоду будет ощущение, что из трубы вообще ничего не выходит. В прохладную погоду можно увидеть пар.

Есть специальные химические вещества, которые позволяют очищать воздух. В определенные этапы они должны меняться. Об этом нам сообщает техника. Пример: все мы пользуемся кофеварками, и когда в них заканчивается кофе или вода, она нам об этом сигнализирует. Здесь всё то же самое. Японцы добились того, что, если ты не выполняешь эти условия, завод перестаёт работать. Подобные технологии намерены применять и в России. Это один из принципов, который мы хотим внедрить, чтобы предприятия были безопасными. Именно поэтому мы очень рады, что в качестве технологического партнера у нас участвует японско-швейцарская компания Hitachi Zosen Inova. Третью всех предприятий в мире построены этой компанией.

Весь мир пришёл к выводу, что худшее, что можно сделать с мусором – это закопать его. Попробуйте у себя во дворе закопать пластиковую банку и посмотрите, вырастет ли что-нибудь на этом месте на следующий год, через два года, через 10 лет... А если мы её переработаем один раз, второй, третий, а потом утилизируем и это превратится в кусочек пепла – это будет другой подход.